

Научная статья

УДК 398.83(=511.112)

DOI 10.25587/2782-4861-2026-2-52-63

ОБРАЗНЫЕ НОМИНАЦИИ ОТЦА И МАТЕРИ В КАРЕЛЬСКОЙ СВАДЕБНОЙ ЛИРИКЕ

В. П. Миронова

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск, Россия
e-mail: tutkija@mail.ru

Аннотация. Статья является продолжением изучения персонажного кода карельской свадьбы и индизнавательных номинаций в семейно-обрядовых фольклорных текстах. В фокусе внимания данного исследования образы родителей, отец и мать жениха и невесты. Рассмотрена их роль в ритуальных действиях, выявлены основные виды именований, которые отражают механизмы функционирования семейных отношений в контексте свадебного обряда. Целью настоящей работы является определение образных номинаций, способствующих реализации понятий родители, отец, мать. В ходе изучения решены следующие задачи: на примере корпуса карельской свадебной лирики рассмотрен круг лексем, поэтических формул, раскрывающих персонажи родителей: отца и матери, установлены общие и специфические черты для каждого понятия. Исследование выполнено на основе описательного метода с привлечением контекстологического и этнолингвистического анализа. Материалами для наблюдений стал корпус свадебной лирики, содержащий опубликованные и архивные тексты ёйг, причитаний, а также эпических рун, включенных в свадебный обряд и образующих цикл свадебных рун. К анализу привлекались варианты, зафиксированные на всей территории проживания карелов. Сопутствующими источниками стали диалектные словари, паремнологический материал. Проведенное изучение наименований родителей (отца и матери) с точки зрения лингвокультурологии представляет собой актуальную задачу для развития карельской фольклористики. В результате проведенного анализа установлено, что роль и функции родителей в проведении свадебного обряда претерпели изменения: место матери, некогда выполнявшей ключевую роль в семейных отношениях, занял отец, мужчина, хозяин дома. Рассматриваемые тексты сохранили единую систему номинаций этих персонажей, символика образов отца и матери соответствует архетипическим представлениям, сформировавшимся в народном сознании. Отличия в именовании связаны с изменением социального статуса невесты и жениха. Дальнейшее исследование свадебной лирики, в первую очередь, карельских свадебных рун, будет направлено на изучение сакральных фигур свадьбы.

Ключевые слова: карельская свадебная лирика, карельские ёйги, карельские причитания, карельские свадебные руны, персонажный код свадьбы, образ отца, образ матери.

Финансирование: Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН

Для цитирования: Миронова В. П. Образные номинации отца и матери в карельской свадебной лирике. *Эпосоведение*. 2026, 2(42), С. 52–63. <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2026-2-52-63>

Figurative nominations of the father and mother in Karelian wedding lyrics

Valentina P. Mironova

Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre
of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russia
e-mail: tutkija@mail.ru

Abstract. The article continues a series of studies on the character code of Karelian weddings and figurative nominations in folklore texts for family-related rituals. The focus here is on the images of the parents: the bride's and the groom's father and mother. We examine their role in ritual acts and point out the main naming types, which reflect the mechanisms through which family relationships function in the wedding ritual context. The aim is to determine the figurative nominations that help actualize the parents/father/mother concepts. The following tasks were fulfilled in the process: case-studying the corpus of Karelian wedding lyrics, the set of lexemes, poetic formulas explicating the parent (father and mother) characters was scrutinized, revealing the features common to all and specific to each concept. The study was based on the descriptive method, using also contextual and ethnolinguistic analysis. The dataset was the wedding lyrics corpus comprising published and archival texts of joik songs, laments, as well as epic runo songs integrated in the wedding ritual and constituting the wedding runo song series. Variants originating from all over the territory populated by Karelians were used in the analysis. Additional sources included dialect dictionaries and paroemiological data. From the linguoculturology perspective, this research on parent (father and mother) nominations contributes to advancing the Karelian folklore studies. The analysis revealed that the roles and functions of parents in the wedding ritual have undergone change: the position of the mother, who used to play the key role in the family relationships, has been taken over by the father – the man, the house master. The texts under study have preserved a uniform nomination system for these characters. The symbolization of the father and the mother aligns with the archetypal ideas established in the folk mind. Differences in the nominations are connected with the change of the bride's and groom's social statuses. Research on wedding lyrics, first of all Karelian wedding runo songs, will be continued by exploring sacral characters in weddings.

Keywords: Karelian wedding lyrics, Karelian joik songs, Karelian laments, Karelian wedding runo songs, character code of a wedding, image of the father, image of the mother

Funding: The study was funded from the federal budget under state assignment to the KarRC RAS.

For citation: Mironova, V. P. Figurative nominations of the father and mother in Karelian wedding lyrics. *Eposovedenie*. 2026, 2(42), C. 52–63. (in Russian). <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2026-2-52-63>

Введение

Карельский свадебный обряд, включавший в себя как досвадебные ритуалы, так и собственно свадебное действие, сопровождался целым комплексом фольклорных произведений. Они являлись необходимыми компонентами для раскрытия семантики ритуальных действий, будучи неразрывно связанными с ними (Толстой, 1981: 46). Карельские ёйги исполнялись в ходе подготовки молодого неженатого парня к выбору пары, причитания обеспечивали обряды инициации невесты. Эпические песни служили важным компонентом свадебных ритуалов, которые символически оформляли установление родственных отношений между родами, охватывая как локусы невесты, так и локусы жениха. Исполнение карельских рун в контексте свадебного обряда было обусловлено их функциональным синкретизмом (Новичкова, 1987: 3).

Основными адресатами указанных произведений являлись чины, относящиеся к партии невесты (невеста, ее брат или сестра и т. д.), в меньшей степени – чины партии жениха (жених, патьвашка, основной распорядитель проводимых ритуалов, женщина-сваха – шуояннайни, гости т. д.). Поскольку обряд так или иначе был связан со сменой семейно-родового и социального статусов, несомненно, персонажами свадебных текстов становились родители новобрачных.

Цель данного исследования заключается в выявлении и анализе метафорических и образных выражений, используемых для репрезентации понятий «родители», «отец» и «мать».

Теоретико-методологической базой послужили фундаментальные труды ученых, изучавших матримониальные сюжеты героического эпоса в целом: В. Я. Проппа (Пропп, 1986), В. М. Жирмунского (Жирмунский, 1972), Е. М. Мелетинского (Мелетинский, 2004). Данная проблематика была рассмотрена также на материале карельских рун. Так, В. Я. Евсеев, анализируя варианты разностадийных карельских эпических песен, проанализировал семейно-брачные отношения (Евсеев, 1968). Позже Э. С. Киуру остановился на изучении севернокарельского цикла сюжетов о добывании жены (Киуру, 1993). В самостоятельном исследовании была выявлена специфика южнокарельских сюжетов о сватовстве (Миронова, 2012).

В ходе настоящего исследования были использованы также работы в области этнографии, в частности, монография А. В. Гуры (Гура, 2011), в которой в комплексе сведений о славянских свадебных обычаях рассмотрен персонажный код. Карельской свадьбе, ее участникам, а также отдельным жанрам вербального кода посвящен целый ряд работ карельских этнографов и фольклористов. Ю. Ю. Сурхаско в своей монографии подробно проанализировал карельский свадебный ритуал Сурхаско, 1978), У. С. Конкка, представила обряды перехода с позиции карельских причитаний как структурообразующего элемента (Конкка, 1992). Лингвофольклористический анализ языка причитаний был проведен А. С. Степановой (Степанова, 2004). Привлекая новый материал карельских свадебных рун в совокупности с известными уже ранее источниками, в исследовании представим корпус образных наименований отца и матери жениха и невесты.

Функции родителей в карельском свадебном обряде

Архаичные свадебные обычаи карелов нашли свое отражение в карельских эпических рунах о сватовстве. Основой сюжета является описание путешествия главного героя (в вариантах – героев) в мифическую страну Похьёла/Хийтола. Полноправной владелицей этого локуса, представляемого чужим иным миром, является хозяйка (в вариантах старуха) (соб. кар. *Pohjolan emäntä/Pohjan akka* ‘хозяйка Похьёлы/старуха Похьёлы’; лив. *Hiijen akka* ‘старуха/баба Хийси’). Она управляла своими землями и охраняла их, обладая исключительным правом определять, кому из героев выдать замуж свою дочь, сама встречала прибывающего жениха:

<i>Tuo on Pohj[olan] emän[tä]</i>	Эта Похьёлы хозяйка,
<i>Nousi aivon [aikasehen],</i>	Поутру пораньше встала,
<i>Aivon [aika huomenessa],</i>	На заре она проснулась,
<i>Lakuoli lattife[n[sa];</i>	Подмела полы хозяйка;
<i>Pellolle pihoo po[ikki];</i>	Выкинула в дальнем поле. ²
(SKVR, 1919: 11, 70–74) ¹ .	

Подобные характеристики могут быть свидетельствами возможного существования матриархального уклада, при котором ключевую роль в ведении домашнего хозяйства и внутрисемейных дел выполняла женщина.

В некоторых вариантах карельских рун женский образ хозяйки дублируется мужским и наряду с хозяйкой /старухой Похьёлы, в рунах о сватовстве встречается ‘старик/муж/хозяин Похьёлы’, соб. кар. *Pohjan ukko/Pohjolan isäntä*, которые поочередно давали приказы своим слугам:

¹ При ссылке на источник указывается номер текста и номер строк по электронному источнику: URL: <https://SKVR>.

² Здесь и далее перевод свадебных рун сделан автором статьи.

"*Mitä haukkuu halli koira,
Soaren lukki luiskutteleo?
Ei halli valehta hauku*".
*Sanopa tuo Pohjon ukko:
"Mene sie kassakka katšomah!"*

<...>

*Sanopa tuo Pohjan akka:
"Mene sie piika katšomah!"*

(SKVR, 1919: 441, 25, 76–80, 84–85).

«Что там лает пес дозорный,
Островной кобель заливается?
Понапрасну пес не воет».
Говорит хозяин Похьи:
«Эй, батрак, иди, узнай-ка!»

<...>

Говорит хозяйка Похьи:
«Эй, служанка, посмотри ты!»

В целом, эпические руны описывали доминирующую роль матери в реализуемых действиях свадьбы. Мать жениха отправляла своего сына на сватовство и проводила охранительные обряды. Мать невесты в свою очередь встречала жениха, устраивала ему трудные брачные испытания, бросалась вслед за похищенной невестой и т. д. (Киуру, 1993: 50–95; Миронова, 2012: 94–131).

С течением времени свадебные традиции претерпели значительные трансформации. Описание ритуала, проводимого в XIX – первой половине XX в., демонстрирует совершенно иную картину: отец становится вовлеченным в большую часть проводимых обрядов. В партии жениха он был не только активным участником подготовки сватовства и свадьбы, но и занимался их проведением. Отец вместе со свадебной свитой посещал дом невесты, присутствовал при переговорах и думе. В некоторых случаях обрядовые действия совершались им совместно с матерью, хотя ее роль, как правило, была менее значима. К примеру, оба родителя включались в акции смотрения места, скрепления или богомолья, жениховой бани, посещения невесты женихом, сборов поезжан, приема свадебного поезда в дом жениха, приводного стола, окружения молодухи и смотрин, сборов на чарку, проводов молодых на брачную ложу и др. Мать жениха наряду с проведением обрядовых действий исполняла свадебные руны, сюжет о добычании жены "*Pohjolasta/Hiitolasta kosinta*" («Сватовство в Похьёла/Хиитола») был приурочен к сборам на сватовство. Она же встречала молодых, руна "*Kylä vuotti*" («Мир ждал») ритуально оформляла приезд новобрачных в дом жениха.

В партии невесты родители, в свою очередь, также становились действующими лицами проводимых ритуалов, они принимали сватов, проводили переговоры и думу. При подготовке к свадьбе участвовали в смотрении места, скрепление или богомолье и т. д. Одним из первых свадебных произведений, звучащих в контексте обряда, была свадебная руна "*Kokko lensi*" («Прилетел орел»), она символически сопровождала приезд жениха. Руна исполнялась матерью невесты или какой-либо другой женщиной от ее имени. После совершения удачного сватовства, все внимание уделялось свадебным акциям, которые были связаны с ритуальным расставанием с девичьей волей. Родители обеспечивали организацию обрядов инициации (топили ритуальную баню, принимали участие в расплетении косы и т. д.). Все действия сопровождалось причитаниями, приуроченными к различным обрядам перехода невесты. Их исполнителем только в редких случаях становилась мать, чаще всего эту роль выполняла специально приглашенная пожилая женщина, причитальщица (соб. кар. *itkettäjä*). К приезду поезжан также была приурочена специальная свадебная руна "*Vävyä virsi*" («Песня зятя»), которую пела мать невесты жениху.

Таким образом, родители были вовлечены практически во все обрядовые действия карельской свадьбы, становясь активными ее участниками.

Фольклорные тексты как способ коммуникации

В карельском языке для обозначения отца и матери могли использоваться различные лексемы. К исконно карельским относятся слова *emä* (соб. кар.; лив.) 'мать' и *isä* (соб. кар.), *ižä* (лив.)

‘отец’³.¹Однако наибольшее распространение получили заимствованные лексемы *tuato* (соб. кар.; лив.) и *tuatto* (соб. кар.; лив.). Информанты сообщали, что в Приладожье и Южной Карелии слова *tuatto* и *tuato* чаще всего употреблялось для обозначения своего отца или матери, тогда как чужих чаще всего называли *ižä* и *emä*: *Miittumat ižä da emä, moizet i lapset* (KKS, 1068: 114) ‘Какие отец и мать, такие и дети’. Примечательно, что в карельском языке отчество обозначалось лексемой *ižännimi* букв. ‘имя отца’.

Отношение родителей и детей проявляется на материале карельской паремии. В пословицах нашла реализация тема любви к своему ребенку, причем чаще воспевается материнская любовь: *Muamoin sanoes huuled yhteh koskou, a tuatoin sanoes ei kosse, sidä jälgie muamo kallehembi; a tuatto huogehembi* ‘От слов матери губы соприкасаются, от слов отца нет, поэтому мать дороже, а отец не так’. *Muamua kirrata liigu kerdu* ‘Мать лишний раз позовут’; *Muaman vičču villaine, tuatan vičču gu koskou perzeh, se kuuluu* ‘Вица матери шерстяная, а вицу отца почувствуешь сразу’. *Tuatto kuolou, ga puoli armua kuolou, a tuamo kuolou, ga kai armo kuolou* ‘Отец умрет, пол-любви пропадет, а мать умрет – целая’ (KS, 1971: 333).

В различных семейно-обрядовых ситуациях просматривается свой способ коммуникации между родителями и детьми (Толстая, 2009: 17). Одной из форм контактирования в рамках лиминальных периодов, к примеру, в ходе свадебного действия, становятся разножанровые фольклорные тексты. В карельской традиции был задействован целый комплекс приуроченных к обряду произведений. Если причитания напрямую соотносились со сменой социального статуса, то ёйги и свадебные руны регламентировали подготовку и проведение самого ритуала.

В композиционном отношении все свадебные тексты (ёйги, причитания и свадебные руны) построены на основе вопросительно-восклицательных предложений-обращений. Адресатами вокативной формулы наряду с другими персонажами становятся родители жениха или невесты. Адресант высказывает просьбу к ним организовать какое-либо действие, к примеру, благословить жениха (невесту), истопить баню, оказать хороший прием свадебному поезду т. д. В отдельных случаях возникает символический диалог между родителями невесты и приехавшим сватать женихом. Примером может служить вопросно-ответная конструкция, выявленная в свадебной руне “*Kokko lensi*” – «Прилетел орел», мать невесты спрашивает:

– *Mist[ä] tiesit, telt[amoini],
K[juulit, kultaini omena],
Tämän nei[on] syntyväk[si],
T[ämän] kanan kasvaj[aksi],
Im[pyen] yleneväk[si]?
– Siitä tie[sin] telt[amoini],
K[juulin kultaini omena]:
Koirä haukku korkialt[a]
Sarajalta ikkunast[a].
(SKVR, 1919: 1492, 16–24).*

– Откуда узнал, сватающий,
Услышал, золотое яблочко,
Что родилась эта девушка,
Что подросла курочка,
Непорочная возвысилась.
– Оттуда узнал сватающий,
Услышал золотое яблочко,
Лаял пес свысока,
Из окна сарая гавкал.

Исполнителями этой руны практически всегда выступала сама мать девушки, она и задавала вопросы, и отвечала на них.

Обособленно следует рассматривать величальную песню, исполняемую родителями жениха в завершении свадебного обряда. В текстах вопрос адресован ко всем собравшимся: *Ken täss on pätovä päähyt* (SKVR, 1919: 1662 36) ‘Чья голова тут все решает?’ Обращение является экспозицией представления идеализированных образов хозяев дома, в котором будут жить новобрачные. Противопоставлением описанной свадебной песне является цикл рун на сюжет «Поучения

³ О кареляязычных терминах отец мать см. подробно: (Миронова, 2023: 352–362).

невесты», в которых эти же персонажи изображаются с позиции молодой жены и, как правило, получают уже негативную коннотацию. Таким образом, свадебные тексты являются обязательной частью проводимого обряда, а также описывают некоторые совершаемые акции (Левинтон, 1974: 167), являясь при этой одной из форм коммуникаций между его участниками.

Образные наименования понятий отец и мать

В корпусе текстов карельской свадебной лирики нет прямых описаний отца и матери. Характеристика этих персонажей может реализовываться посредством различных поэтических конструкций, часть из которых опосредованно указывает на возраст. К примеру, в текстах карельских ёйг мать жениха, в большинстве случаев выступающая как адресант, представлялась немолодой уже женщиной: *kanat katovaijät (-ikäiset)* ‘курочки в утраченном (утраченном) возрасте (пребывающие)’, *kiurut kirpuovaijät* ‘жаворонки в ниспадающем возрасте (пребывающие)’, *laklot lankievaijät* ‘гусыни в упавшем возрасте (пребывающие)’, *šotkani šortuovaijät* ‘уточки в склонившемся (падающем) возрасте (пребывающие)’, *viklot vierövaijät* ‘кулики в укатившемся возрасте (пребывающие)’, *koppalat kuolovaiset* ‘копалухи умирающие (смертные)’, *koppalat kuolovaijät* ‘копалухи в предсмертном возрасте’, *vierovaijät* ‘в убывающем (укатившемся) возрасте’, *vierytikaiset* ‘в кручинном возрасте’, *vaipuva ikäpuoli* ‘в уставшем возрасте’, *kannettuiset katovajaiset* ‘выношенные, в утраченном возрасте (пребывающие)’ (Карельские ёйги, 1993: 220).

Аналогичные конструкции способствуют также созданию образа отца: *Ka se vet on valkie hyväsän vaipuvalla ikäpuolella* ‘А его светлый хороший [отец] уже в убивающем возрасте’ (Карельские ёйги, 1993: 88).

Основную семантическую нагрузку в подобных формулах выполняют эпитеты, указывающие на зрелый, пожилой возраст матерей (в вариантах – отцов), жизнь которых прошла некий рубеж. Дополнительным компонентом являются орнитонимы, широко используемые при описании женских образов (дочери, матери) как в карельских эпических рунах, так и в свадебной лирике в целом (Рахимова, 2015: 46–55). Отметим попутно, что схожая орнитоморфная символика встречается в свадебных традициях многих других народов (Лукина, Бычков, Реш, 2019: 42–50).

Еще одним признаком зрелости у рассматриваемого персонажа является мудрость: *viekas armas tamazeni* ‘мудрая милая моя маменька’ (Степанова 2004: 22). Наряду с возрастом выявленные конструкции имплицитно могут указывать на семейный статус: *laklot lakkipiät* ‘гусыни в чепцах (на голове)’ (Карельские ёйги: 220). Замужние женщины, как известно, носили головные уборы, полностью закрывавшие волосы. В номинациях матери первостепенное значение приобретает отражение ее основной функции: рождение и воспитание детей. Широкий круг лексем можно выявить в текстах карельских ёйг и причитаний: *aikojaiseni* ‘(моя) вырастившая’, *aikuajani* ‘зародившая’, *helvojaiseni* ‘в подоле носившая’, *kantajaini* ‘выносившая’, *kiirjojaiseni* ‘родившая /усл./ (воспламенившая)’, *kuvuajaiseni* ‘создавшая’, *mainojaiseni* ‘оберегавшая’, *ottajaiseni* ‘взявшая, принявшая’, *palvojaiseni* ‘обихажившая’, *pesijäini* ‘обмывавшая’, *rodijaini* ‘родившая’, *suarnojaini* ‘создавшая’ /усл./, *suorijaini* ‘снаряжавшая’, *tuuvittajaiseni* ‘(в люльке) качавшая’, *veršojaini* ‘взрастившая’, *viihyttäjäisen* ‘утешавшая’, *viiččijäisen* ‘воспитывавшая’, *vualijäisen* ‘выпестовавшая’, *kantisen, kaunehin ilmoih rotija* ‘моя выносившая, на красивый свет меня создавшая’, *orheilla ilmoilla šätelijä ottajaisen* ‘на славный свет меня создавшая, моя принявшая’ (Степанова, 2004: 17–24; Карельские ёйги, 1993: 218–219).

В свадебных рунах при изображении образа матери из всех перечисленных иносказательных лексем наиболее устойчивыми является перифраза *kandajoini* ‘выносившая’. Она в зависимости от контекста встречается в различных конструкциях. К примеру, в свадебной руне, исполняемой при подготовке жениховой бани, парень может обращаться к своей родительнице: *Eto nainen kantajaini* ‘Мать, женщина, меня выносившая’; *Oi om taamo kantajaini* ‘Ой, мать, меня выносившая’; *Oi emoni kantajaini* ‘Ой, женщина моя, меня выносившая’.

“*Oi on maam[mo], kant[ajani],
Läm[mitä] kytynen kyly*”.
(SKVR, 1919: 1557, 5–6).

«Ой, мать, меня выносившая,
Истопи баню змеиную».

Формулы, включающие в себя два опорных слова, конкретизируют адресата-мать, а местоимение «моя» функционирует как прямая апелляция к ней, одновременно усиливается глубокая личная связь. Подобные вокативные конструкции можно обнаружить в свадебной поэзии у славянских народов (Марфина, 2024: 66).

Обращение к матери разворачивается за счет использования параллельного стиха. В этом случае расширяются и функции образа, она представляется как мать-кормилица, обеспечивающая физическую и эмоциональную заботу: *Oibo tuamoi, kandajoini, Magien maijon andajoini* (SKVR, 1919: 99, 16–17) ‘Ой, ты, мать, меня взрастившая, / Сладким молоком вскормившая’. Формулы являются постоянными в песнях на сюжет о сватовстве в Хийтола, по ходу развития сюжета сын просит мать истопить ему баню, принести чистую одежду и т. д.

Схожим способом в текстах свадебных рун может быть представлен и образ отца. Он глава семейства, *poikakarjan kasvattaja* ‘взрастил стаю сыновей’, *poikajoukon juovuttaja* ‘главный из мужчин (парней)’. Именно он ‘отправил сына в женихи’ *sulhasiksi suorittaja*:

– *Ken on tässä peä pätöjä,
Päivän peällini omena,
Poikajoukon jouvuttaja,
Poikakarjan kasvattaja,
Sulhasiksi suorittaja?*
(SKVR, 1919: 1693, 61–65).

– Кто тут решенья принимает,
Кто из яблок самый главный,
Из гурьбы парней верховный,
Стаю юношей взрастил кто,
Женихами снарядил?

Однако при описании отца первостепенное значение все же имеют его нравственные характеристики. В текстах карельских ёйг и причитаний наиболее устойчивыми являются сложные конструкции с цепочкой двух дополняющих друг друга эпитетов: *kuulu hyväsēn* ‘знатный, хороший’, *orhie hyväsēn* ‘доблестный, хороший’, *šukie hyväsēn* ‘ласковый, хороший’, *tuuvīs hyväsēn* ‘славный, хороший’, *valkie hyväsēn* ‘белый (светлый), хороший’. В некоторых случаях выявляется более сложная формула, состоящая трех лексем. Это сочетание демонстрирует основные отличительные черты, формирующее целостное восприятие персонажа: *šuurīšiämini šukie hyväsēn* ‘с большим норовом мой ласковый, хороший’, *turvašiämini tuuvīs hyväsēn* ‘надежный мой славный, хороший’. Следует отметить также конструкцию *korvipasta kuulu hyväsēn* ‘с бородой до ушей (с бакенбардами) мой знатный’, которая опосредованно указывает на возраст.⁴ Встречаются также формулы, демонстрирующие наряду с описанными чертами характера власть отца: *valtašiämini valkie hyväsēn* ‘властный (с властным норовом) мой светлый, хороший’ (Карельские ёйги, 1993: 219).

Аналогичным образом происходит лексическая реализация образа матери в причитаниях, устойчивыми являются оценочные эпитеты: *armas* ‘милая’, *ihala* ‘чудесная’, *kallis* ‘дорогая’, *lämmin* ‘теплая’; а также формулы, включающие два близких по семантике эпитета: *luodu luodijaizeni* ‘ладная пригожая моя’, *olova ottajaizeni* ‘сухая моя’, *šugie šujendajaizeni* ‘ласковая моя обогревшая’ (Степанова, 2004: 19). В сложных конструкциях обязательно присутствует указание на адресата, но это не мать, а женщина: *naine aigu armoizeni* ‘женщина славная моя милостивая’, *naine ihalo armoizeni* ‘женщина чудесная моя милостивая’, *naine kallis armoizeni* ‘женщина дорогая моя милостивая’. В данном случае лексема женщина выступает олицетворением матери.

⁴ В карельской паремии бытует пословица: *Parratoi mies on ku vasikka* ‘Безбородый мужик, как теленок (молодой)’ (KS, 1971: 3680, т. е. бороду носили мужчины в возрасте).

Можем предположить, что выявление в текстах ёйг и причитаний формул с явным преобладанием нравственных характеристик определяется спецификой самого свадебного обряда. Указанные фольклорные произведения были приурочены чаще всего к моментам утраты девичества, прощания с родным домом у невесты или расставания с холостой жизнью у парня. Подобные драматические акции были наиболее эмоционально наполнены, а экспрессивная лексика способствовала выражению своих чувств. В текстах свадебных рун, напротив, превалируют обращения-перифразы.

Смена статуса и новые наименования персонажей свадьбы

Свадебный ритуал предполагает образование новых родственных отношений, невеста входит в новую семью, становится снохой, обретая свекровь и свекра, золовку и деверя. Переход жениха в статус зятя означает появление новых для него родственных связей – тестя и тещи. Тексты карельских свадебных рун позволяют выявить не только специфику формирования новых родственных связей, но и проследить трансформацию статуса участников обряда, в нашем случае – отца и матери.

Наряду с другими свадебными песнями, оформлявшими приезд молодой жены в новый дом, исполнялась руна на сюжет *“Isännän ja emännän ylistys”* – «Прославление хозяина и хозяйка». Основными адресатами величальной по своему содержанию песни являются отец и мать жениха, изображаемые в текстах настоящими хозяевами дома, главными членами большой семьи.

В зачине некоторых рун на данный сюжет исполнители задаются вопросом, кого первым нужно прославлять и благодарить: хозяина или хозяйку. Ответ всегда был однозначным – сначала славил хозяина, что в полной мере соответствует имеющимся в нашем распоряжении этнографическим данным. Исследователи, рассматривающие карельскую семью второй половины XIX – начала XX в., отмечали, что главой ее являлся старший мужчина рода, распределение трудовых обязанностей по преимуществу также определялось половозрастным принципом (Литвин, 2023: 58).

Варианты анализируемой руны строятся на вопросно-ответной композиции. Первоначально от имени исполнителя звучит вопрос, кто построил этот дом, возил бревна с далеких боров, мох с затопленных болот, бересту с высоких гор, доски с далеких земель и т. д. Ответ указывает на отца – хозяина дома, демонстрирует его навыки и трудолюбие:

– *Isäntä täh on suojat soanun
Salmot salvan, suojat soanun.
Sammalet sulilta soilta,
Hirret hirmulta mejältä,
Malot marja-kankahalta,
Tuohet tuomi-voaram peältä.
(SKVR, 1919: 1686, 63–68).*

– Хозяин получил избу,
Дом построил, избу получил,
Мох с сырых болот [возил],
Бревна с высоких гор,
Невысокие с ягодных боров,
Бересту с горы дубовой.

Образ хорошего хозяина через изображение дома представляют и карельские пословицы: *Ei taloi tuaten nouse* ‘Лежа, дом не построишь’; *Ei ruadamattah talo pystys kestä* ‘Не работая, дом стоять не будет’ и т. д. (KS, 1971: 505). Подобные описания вполне оправданы, поскольку при рода отца представляется как мир предметов, сделанных своими руками (Фромм, 1992: 132).

Прославление матери жениха выявляется в меньшем количестве вариантов, и оно имеет свою специфику. Народное представление об успешной хозяйке было тесно связано с её умением рационально организовывать быт, распоряжаться продовольственными запасами. Поэтому во время праздников и семейных обрядов она «приносила и еду (хлеб), и отличное пиво для веселья хороших гостей» (SKVR, 1919: 1684).

В рассматриваемых свадебных рунах созданию образа матери жениха способствуют эпитеты с положительной коннотацией, она изображается как благожелательная хозяйка:

– *Kenpä tässä on ehon emäntä?*
Houri on ehon emäntä.
Kanna leipä kapparašta,
Kapperoilla kantapäällä,
Kuperilla kämmenillä.
 (SKVR, 1919: 1681, 78–82).

– Кто тут добрая хозяйка?
 Хавронья добрая хозяйка.
 Принеси хлеба скорее,
 Бойкими пятами,
 Пухлыми руками.

Целостный образ создается посредством особых поэтических формул: у матери «бойкие» пятки, поскольку в ее ведении находится практически вся работа по дому. Кроме того, видимым признаком здоровья и красоты являются «пухлые руки» матери.

В свадебных рунах на сюжет «*Morsiämen neuvokkivirret*» («Поучения невесты») возникают совершенно противоположные образы отца и матери жениха. Песню исполняют в доме, куда приехали новобрачные, и основная их цель – приобщение молодой жены к дому мужа и новой семье. Отец жениха для нее теперь ‘старик, старец’ *ukko*; ‘старик-хозяин’ *ižändukko*; ‘бабушка’ *buat’uška*. Свекровь приобретает свои наименования, она ‘свекровь’ *anoppi*; ‘баба, старуха’ *akka*. Взаимоотношения между ними должны строиться с одной стороны на любви и уважении:

– “*Oma tuatto heittämini,*
Ukko armoih ottamini,
Armosana antamini,
Lahja piällä laittamini”.
Morsioitani opetan:
”Oma muammo heittämini,
Akka armoih ottamini,
Armosana antamini,
Lahja piällä laittamini”.
 (SKVR, 1919: 1733, 150–158).

– «Своего отца надо забыть,
 Старика должна ты полюбить,
 Ласковые слова говорить,
 Подарки ему дарить».
 Невестку мою поучают:
 «Свою мать надо забыть,
 Бабу должна ты полюбить,
 Ласковые слова дарить,
 Подарки ей дарить».

С другой стороны, до определенного времени новые родственники – это чужие и опасные люди, они изображаются в текстах свадебных рун в образах хищных зверей:

“*Ukko on šusi čupušša,*
Akk on karhu karsinašša,
Niitä sie kovin var[aja]”.
 (SKVR, 1919: 1682, 87–89).

«Старик – волк в углу,
 Старуха – медведица в подполье,
 Их ты бойся больше всего».

Период приобщения к новому роду насчитывал шесть недель, в течение которых невестка должна была научиться смирению: кланяться родителям мужа, не возражать их упрекам, выполнять всю работу по дому и т. д. (Сурхаско, 1978: 195).

В народном представлении понятия «свекровь», «баба» наделялись негативными характеристиками⁵. Они, как правило, несговорчивы: *Akat azien pahoih kiändäy, miehet mieleväh pagizou* ‘Бабы дело на плохое повернут, мужчины ласково разговаривают’; сварливы: *Mis akkua viis kuus, siit ei harakat piäliči lennä* ‘Где баб пять-шесть, там сороки поверх не летают’; глупы: *Akoil on hivus pitky da mieli lyhyt* ‘У баб волос длинный, да ум короткий’ (KKS, 1968: 22–23). В пословице: *Anopis on puoli akkua* ‘В свекрови пол бабы’ можно усмотреть указание именно на наличие отрицательных качеств. Причем, карельский паремиологический материал не сохранил текстов, напрямую отражающих негативное восприятие образа свекра. Вероятно, различные семейно-бытовые ситуации чаще всего возникали при взаимодействии молодой невестки и свекрови.

⁵ Л. А. Грицай в своей статье «Сопоставление мифологем “мать” и “отец” в русской и карельской фольклорной традиции» не выявляет отличий между образами бабы и матери (Грицай, 2013: 122).

Заключение

Таким образом, в карельском свадебном ритуале персонажи отца и матери входили в группу главных действующих лиц, вовлеченных во все основные обрядовые акции наряду с женихом и невестой. Их роли, функции и образные именованья подробно раскрываются в текстах карельской свадебной лирики. При этом, наряду с прямыми обозначениями, активно используется метафорическая терминология, уходящая своими корнями в древние запреты на употребление личных имен и наименований во избежание воздействия потусторонних сил.

Образные номинации используются для обозначения отца и матери как в партии жениха, так и в партии невесты. Причем, большая часть именованья совпадает, что позволяет нам говорить о единой поэтической основе рассматриваемых жанров. Наибольшее количество терминов выявляется в текстах причитаний, ёйги и свадебные руны обладают меньшим количеством номинаций. Изображение отца и матери лишено портретных характеристик, образы разработаны при помощи конструкций, где доминирующую позицию занимают эпитеты, описывающие функции родителей, а также их нравственные качества. Экспрессивная лексика присуща причетной традиции, что обусловлено приуроченности этого жанра к наиболее эмоциональным переходным ритуалам.

Реализация оппозиции свой-чужой формирует две группы номинаций родителей, выявленных в вариантах карельской свадебной лирики на основе кровного и некровного родства. Причем, свои, как правило, обладают положительной коннотацией, а чужие – отрицательной. В свадебной лирике негативная характеристика сохранилась по преимуществу за образом матери жениха, выступающей после свадьбы уже в роли свекрови.

Список сокращений

ливв. – ливвиковское наречие карельского языка

соб. кар. – собственно карельское наречие карельского языка.

Литература

1. Грицай, 2013 – Грицай Л.А. Сопоставление мифологем «мать» и «отец» в русской и карельской фольклорной традиции. *Грани познания*. 2013, 6(26). С. 118–129.
2. Гура, 2011 – Гура А.В. *Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика*. М.: Индрик, 2011. 936 с.
3. Евсеев, 1968 – Евсеев В.Я. *Карельский фольклор в историческом освещении*. Л.: Наука, 1968. 201 с.
4. Жирмунский, 1962 – Жирмунский В.М. *Народный героический эпос. Сравнительно-исторические очерки*. М., Л.: Гос. изд-во худож. лит.-ры, 1962. 436 с.
5. Карельские ёйги, 1993 – Лавонен Н.А., Степанова А.С., Раутио К.Х. (ред.) *Карельские ёйги*. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1993. 239 с. (на карель. и рус. яз.).
6. Киуру, 1993 – Киуру Э.С. *Тема добывания жены в эпических рунах*. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1993. 131 с.
7. Конкка, 1992 – Конкка У.С. *Поэзия печали: карельские обрядовые плачи*. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1992. 296 с.
8. Литвин, 2023 – Литвин Ю.В. *Женица в карельской деревне: изменение статусов и ролей (вторая половина XIX – начало XX в.)*. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2023. 342 с.
9. Левинтон, 1974 – Левинтон Г.А. К вопросу о функциях словесных компонентов обряда. В кн.: Путилов Б.Н. (ред.) *Фольклор и этнография: Обряды и обрядовый фольклор*. Л.: Наука, 1974. С. 162–170.
10. Лукина, Бычков, Реш, 2019 – Лукина О.Г., Бычков Ю.А., Реш О.В. Мифологические образы птицы и орнитоморфная символика в традиционных культурах народов Севера. *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. 2019, 5 (91), С. 42–50. <https://doi.org/10.24411/1997-0803-2019-10505>.
11. Марфина, 2024 – Марфина Ж.В. Архетипы отец, мать в восточнославянском народно-песенном субпространстве. *Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева*. 2024, 1(122), С. 64–72. <https://doi.org/10.37972/chgpu.2024.122.1.008>.

12. Мелетинский, 2004 – Мелетинский Е.М. *Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники*. М.: Восточная литература, 2004. 462 с.
13. Миронова, 2012 – Миронова В.П. *Сватовство в мифической стране Хийтола в контексте карельской эпической традиции*. Петрозаводск: Periodika, 2012. 220 с.
14. Миронова, 2023 – Миронова В.П. Особенности карельской терминологии супружества и свойства (на примере фольклорных источников). *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2023, 17 (3), С. 352–362. <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2023-17-3-352-362>.
15. Новичкова, 1987 – Новичкова Т.А. Эпическое сватовство и свадебный обряд. В кн.: *Русский фольклор*. Т. 24. Л.: Наука, Ленингр. отд., 1987. С. 3–20.
16. Пропп, 1986 – Пропп В.Я. *Исторические корни волшебной сказки*. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 365 с.
17. Рахимова, 2015 – Рахимова Э.Г. Водоплавающие птицы в рунах калевальской метрики. В кн.: *Труды Карельского научного центра РАН*. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2015, 8. С. 46–55.
18. Степанова, 2004 – Степанова А.С. *Толковый словарь языка карельских причитаний*. Петрозаводск: Периодика, 2004. 304 с. (на карель. и рус. яз.).
19. Сурхаско, 1978 – Сурхаско Ю.Ю. *Карельская свадебная обрядность (конец XIX – начало XX в.)*. Л.: Наука, 1978. 237 с.
20. Толстая, 2009 – Толстая С.М. Категория родства в этнолингвистической перспективе. В кн.: Толстая С.М. (ред. и др.) *Категория родства в языке и культуре*. М.: Индрик, 2009. С. 7–22.
21. Толстой, 1981 – Толстой Н.И. Вербальный текст как ключ к семантике обряда. В кн.: Иванов В.В. (ред. и др.) *Структура текста – 81: Тезисы симпозиума*. М.: Наука, 1981. С. 46–47.
22. Фромм, 1992 – Фромм Э. Искусство любить. В кн.: Гуревич П.С. (ред.) *Душа человека*. М.: Респубблика, 1992. С. 110–179.
23. KKS, 1968 – *Karjalan kielen sanakirja*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura. Osa I, 1968. 576 s. (на карельском и финском яз.).
24. KS, 1971 – *Karjalaisia sananpolvia / toim. L. Miettinen, P. Leino*. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1971. 640 s. (на карельском и финском яз.).
25. SKVR, 1919 – *Suomen kansan vanhat runot*. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura. Osa. I, 1919. 399 s. (на карельском и финском яз.).

References

1. Gritsay, 2013 – Gritsay LA. Comparison of the mythological archetypes “mother” and “father” in the Russian and the Karelian folk traditions. *Grani poznaniya*. 2013, 6(26), pp. 118–129. (in Russian).
2. Gura, 2011 – Gura AV. *Marriage and wedding in Slavic Folk culture: semantics and symbolism*. Moscow: Indrik Publ.; 2011. 936 p. (in Russian).
3. Evseev, 1968 – Evseev VYa. *Karelian folklore in historical perspective*. Leningrad: Nauka Publ.; 1968. 201 p. (in Russian).
4. Zhirmunskiy, 1962 – Zhirmunskiy VM. *Folk Heroic Epic. Comparative Historical Essays*. Moscow, Leningrad: Goslitizdat Publ.; 1962. 435 p. (in Russian).
5. Karelian eys, 1993 – Lavonen NA., Stepanova AS., Rautio KKh. (eds.) *Karelian eys*. Petrozavodsk: Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences Publ.; 1993. 239 p. (in Karelian and Russian).
6. Kiuru, 1993 – Kiuru ES. *The theme of getting a wife in epic runes: to the semantics of poetic images*. Petrozavodsk: Karelian Research Centre, RAS Publ.; 1993. 132 p. (in Russian).
7. Konkka, 1992 – Konkka UU. *Poetry of sorrow. Karelian ritual lamentations*. Petrozavodsk: Karelian Research Centre, RAS Publ.; 1992. 296 p. (in Russian).
8. Litvin, 2023 – Litvin YuV. *Woman in a Karelian village: change of status and roles (second half of the XIX – early XX centuries)*. Petrozavodsk: Karelian Research Centre, RAS Publ.; 2023. 342 p. (in Russian).
9. Levinton 1974 – Levinton GA. On the question of the functions of the verbal components of the ritual. In Putilov BN. (ed.) *Folklore and Ethnography: Rituals and Ritual Folklore*. Leningrad: Nauka Publ.; 1974. pp. 162–170 (in Russian). URL: <http://web1.kunstkamera.ru/library/MAE7685.files/>
10. Lukina, Bychkov, Resh, 2019 – Lukina OG., Bychkov YuA., Resh OV. Mythological images of birds and ornithomorphic symbolism in traditional cultures of the peoples of the North. *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*. 2019, 5 (91), pp. 42–50 (in Russian). <https://doi.org/10.24411/1997-0803-2019-10505>.

11. Marfina, 2024 – Marfina ZhV. Archetypes “father”, “mother” in the eastern slavic folk-song subspace. *I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*. 2024, 1(122), pp. 64–72 (in Russian). <https://doi.org/10.37972/chgpu.2024.122.1.008>.
12. Meletinskiy, 2004 – Meletinskiy EM. *The origin of the heroic epic: early forms and archaic monuments*. Moscow: Oriental literature Publ.; 2004. 462 p. (in Russian).
13. Mironova, 2012 – Mironova VP. Matchmaking topic in mythical land Khiitola in the context of Karelian epic tradition. Petrozavodsk: Periodika Publ.; 2012. 220 p. (in Russian).
14. Mironova, 2023 – Mironova VP. Features of Karelian terminology for relationships through marriage (as represented in folklore sources). *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2023, 17 (3), pp. 352–362 (in Russian). <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2023-17-3-352-362>.
15. Novichkova, 1987 – Novichkova TA. Epic matchmaking and wedding ceremony. In: *Russian folklore. Ethnographic origins of folklore phenomena*. Vol. 24. Leningrad: Nauka Publ.; 1987. pp. 3–10 (in Russian).
16. Propp, 1986 – Propp VYa. *Historical roots of the fairy tale*. Leningrad: Leningrad State University Publ. House; 1986. pp. 365 (in Russian).
17. Rakhimova, 2015 – Rakhimova EG. Waterfowl birds in the runes of Kalevala metrics. In: *Proceedings of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences*. Petrozavodsk: Karelian Research Center of the RAS; 2015, 8. pp. 46–55 (in Russian).
18. Stepanova, 2004 – Stepanova AS. Explanatory dictionary of the language of Karelian lamentations. Petrozavodsk: Periodika Publ.; 2004. 304 p. (in Karelian and Russian).
19. Surkhasko, 1978 – Surkhasko YuYu. *Karelian wedding rituals (late 19th – early 20th century)*. Leningrad, Nauka Publ.; 1978. 237 p. (in Russian).
20. Tolstaya, 2009 – Tolstaya SM. The category of relationship in ethnolinguistic perspective. In: Tolstaya SM. (eds.) *The category of kinship in language and culture*. Moscow: Indrik Publ.; 2009. pp. 7–22 (in Russian).
21. Tolstoy, 1981 – Tolstoy NI. Verbal text as a key to the semantics of the rite. In: Ivanov VV. (ed. and others). *Text structure – 81. Theses of the symposium*. Moscow: 1981. pp. 46–47 (in Russian).
22. Fromm, 1992 – Fromm E. The art of loving. In: Gurevich PS. (ed.) *Soul of human*. Moscow: Respublika Publ.; 1992. pp. 110–179 (in Russian).
23. KKS, 1968 – *Karjalan kielen sanakirja*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura Publ.; Vol. I, 1968. 576 p. (in Finnish and Karelian).
24. KS, 1971 – Miettinen L., Leino P. (eds.) *Karjalaisia sananpolvia*. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura Publ.; 1971. 640 p. (in Finnish and Karelian).
25. SKVR, 1919 – *Suomen kansan vanhat runot*. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura Publ.; Vol. I, part. 3, 1919. 399 p. (in Karelian and Finnish).

Об авторе

Миронова Валентина Петровна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора фольклористики и литературоведения (с фонограммархивом), Институт языка, литературы и истории – обособленное подразделение ФГБУН ФИЦ «Карельский научный центр Российской академии наук» (ИЯЛИ КарНЦ РАН), ORCID: 0000-0001-6310-5561, e-mail: tutkija@mail.ru.

About the author

Valentina P. Mironova, Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher, Folklore and Literary Studies Sector (with a Phonogram Archive), Institute of Linguistics, Literature and History, KarRC RAS, ORCID: 0000-0001-6310-5561, e-mail: tutkija@mail.ru.

Конфликт интересов / Conflict of interests

Автору неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью.

The author is not aware of any other potential conflict of interest relating to this article.

Поступила в редакцию / Submitted 31.03.2026

Поступила после рецензирования / Revised 15.05.2026

Принята к публикации / Accepted 01.06.2026